

Китай: опасный сосед или выгодный партнер?

Не Китай угрожает России, а те российские власти, которые не хотят или не могут решать проблемы страны | **АЛЕКСАНДР ЛУКИН**

Две трети территории нашей страны лежит в Азии, но, согласно опросам общественного мнения, ее жители, даже с побережья Тихого океана и китайской границы, ощущают себя европейцами¹. Это не случайно — мы действительно европейцы, которых судьба и история забросили на азиатский континент. Но раз забросили, нужно делать выводы. Не в смысле экзотических евразийских теорий об азиатской сущности россиян, а в том смысле, что от отношений с азиатскими соседями, от подхода к ним во многом зависит будущее страны.

Из этих соседей для нас важнейшим является Китай. Его значение определяется и масштабами этой страны, и протяженностью общей границы, и возможным влиянием Китая на будущее развитие России, в особенности ее восточной части. Почти четырехсотлетняя история российско-китайских отношений уникальна. Она не знает ни одной войны, хотя трудные периоды и небольшие столкновения, конечно, случались. Вряд ли в мире можно найти двух других таких соседей.

Сегодня российско-китайские отношения находятся на пике своего развития. Их новый уровень был закреплен в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

2001 года. В двустороннем плане между Россией и Китаем не существует проблем, подобных тем, что мешают нашим связям с другими странами региона: ни территориальных (как с Японией), ни политических (как с КНДР). Проблемы пограничного разграничения на всей протяженности границы (4209,3 км), долгие годы остававшиеся причиной разногласий, полностью решены на основе принципов международного права. Последние территориальные вопросы удалось снять в конце 2004-го, когда три спорных острова на реках Амур и Уссури были разделены примерно пополам. В 2006-м прошел «Год России в Китае», а в 2007-м — «Год Китая в России», комплексная программа которых предусматривала по несколько сотен различных мероприятий в политической, экономической, культурной и других областях. Только лидеры наших государств встречались в 2007 году пять раз. Официально признано, что Россию и Китай связывают «отношения стратегического партнерства и взаимодействия».

Все это не означает, что между нашими странами и народами не существует проблем. Но, как правило, они остаются предметом изучения специалистов и лишь изредка становятся темой широкой общественной дискуссии. В этой статье я хотел бы представить

те наиболее значимые вопросы взаимодействия России и Китая, которые обсуждаются сегодня в экспертном сообществе.

Что значит усиление Китая для России?

За последние 30 лет Китай совершил исторический рывок от отсталости к современному развитому обществу. В стране еще много проблем, но одно ясно: Китай из бедной, политически нестабильной страны, сотрясаемой различными неурядицами, превращается в мощное государство, способное оказывать значительное влияние не только на региональную, но и на мировую политику. За тот же период Россия значительно ослабла; по сравнению с советским периодом ее вес в мировом сообществе снизился, хотя она и остается довольно крупным и влиятельным государством. История российско-китайских отношений знает периоды, когда Китай, по крайней мере в регионе соприкосновения с Россией, был более мощным государством. Так было с XVII до первых десятилетий XIX века. Однако с тех пор почти два столетия (считая и советский период) Россия превосходила Китай в военном, политическом и экономическом отношении, и россияне привыкли к этому. Нынешний исторический поворот в пользу Китая нарушает сложившиеся представления и потому многими нашими согражданами воспринимается болезненно. Но такова реальность, и с ней придется жить. В российском экспертном сообществе эту реальность понимают, но оценивают ее по-разному. Мнения и прогнозы можно разделить на две группы: алармистские и прагматические. Алармисты считают, что сильный Китай представляет угрозу для нашей страны, что китайские лидеры, говоря о дружбе, в действительности вынашивают планы отторгнуть от России территории Сибири и Дальнего Востока, для чего проводят политику «демографической экспансии», то есть поощряют заселение этих территорий китайскими гражданами, исполь-

зуют для развития собственной экономики российские природные ресурсы, которые получают по дешевой цене, скупают на нашей территории недвижимость, поощряют развитие преступных сообществ, якобы также действующих в интересах Китая. Они утверждают, что сегодняшняя политика Китая основана на традиционном китаецентристском подходе к миру, в рамках которого Срединная империя должна играть доминирующую роль, а все прочие («варвары») приносить ей дань и признавать ее первенство.

В отличие от них прагматики полагают, что ускоренное развитие Китая создает для России возможность использовать экономическую мощь соседа для нужд собственного развития, особенно для поднятия восточных регионов России. Они отмечают, что китайская внешняя политика на данном этапе не является агрессивной, Китай занят собственными проблемами, а не внешними авантюрами, демонстрируя практицизм и жестко отстаивая свои интересы. При верном, сбалансированном подходе успехи Китая могли бы быть использованы на пользу России. Рассмотрим, какая из этих позиций в большей степени отвечает реальности и интересам нашей страны.

Зачем Китай России?

Сотрудничество с Китаем крайне важно для России в международном плане. Китай разделяет российский взгляд на будущее устройство мира, определяемый понятием «многополярность». Реально это означает, что обе страны хотели бы видеть мир, в котором не доминирует лишь одна сила, а взаимодействуют между собой несколько центров влияния, при этом руководствуясь международным правом и уставом ООН. За идеалом «многополярности» скрывается очевидная реальность: Россия и Китай, так же, как и некоторые другие государства мира, достаточно велики, чтобы иметь собственные интересы

и подходы к проблемам регионального и мирового развития. Их не устраивает мир, в котором полностью доминирует одна сила, не учитывающая их интересы. Зато их вполне устраивает послевоенная структура мира и сложившаяся система международного права, в рамках которой высшим авторитетом является Совет Безопасности ООН. Статус постоянных членов Совета Безопасности ставит их в равное положение с США, государством во всех других отношениях более мощным и, естественно, стремящимся видоизменить эту систему, сковывающую его возможности.

И Россия, и Китай отрицательно относятся к советам извне относительно их внутрисполитического устройства, называя это «вмешательством во внутренние дела», а также поддерживают друг друга в борьбе с сепаратизмом (Россия поддерживает Китай по тайваньскому вопросу, а Китай Россию — по чеченскому). Именно поэтому обе страны все последние годы выступают за сохранение принципов международного права и статуса ООН, координируют голосование в ООН по основным мировым проблемам, выступают с единой позицией на переговорах по Ирану, Южной Корее, Косово и многим другим острым вопросам мировой политики.

Хорошие отношения с Китаем нужны России как по политическим, так и по экономическим причинам. Китай — важный стратегический партнер России, и именно благодаря связям с ним (как и с другими странами Азии) российская политика способна стать менее односторонней, приобрести собственное лицо, а Россия — превратиться в один из центров мирового влияния. Тот, кто хочет видеть Россию более независимой и мощной, должен поддерживать развитие ее отношений с Китаем, конечно не доводя дела до военного союза, которого не желает ни сам Китай, ни Россия.

В экономической сфере Китай — также один из важнейших партнеров России,

сотрудничество с которым необходимо для развития прежде всего российских Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, Китай — важный региональный партнер нашей страны; в рамках Шанхайской организации сотрудничества он совместно с Россией способствует решению общих задач в Центральной Азии — борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, поддержанию здесь светских режимов, экономическому и социальному развитию государств региона. Таким образом, сотрудничество с Китаем объективно усиливает позиции России на международной арене в качестве независимого центра силы.

Китай также заинтересован в России как в геополитическом и экономическом партнере, хотя следует признать, что в ее нынешнем состоянии Россия играет в китайской политике гораздо меньшую роль, чем Китай в российской. Тем не менее по ряду причин Китай предпочитает стабильную и сильную (хотя, возможно, и не слишком мощную) Россию. Стабильная Россия, способная стать независимым центром силы, интересуется Пекин как определенный противовес в его сложных партнерско-конкурентных отношениях с США и Западной Европой, как один из гарантов, способных обеспечить «независимую и самостоятельную» внешнюю политику КНР. Стабильная ситуация на границе с Россией, так же как и с другими соседями, имеет большое значение для экономического развития Китая, то есть для осуществления основной цели, поставленной нынешним руководством страны. Наконец, Россия для Китая служит важнейшим источником некоторых товаров, которые он либо вовсе не может приобрести у других стран (как, например, вооружения), либо получает в недостаточном количестве (как, например, нефть, лес и другие виды сырья). Именно поэтому Пекин все последние годы настойчиво и конструктивно подходит к решению пограничных проблем, проблем миграции

и двусторонней торговли. Китай хотел бы видеть Россию стабильной и экономически развитой, он готов конструктивно содействовать развитию приграничных российских регионов, и российские страхи относительно его намерений в сочетании с бездействием в решении собственных проблем (развитие производства, создание благоприятного инвестиционного климата, развитие дальневосточных регионов и т. д.) ему не понятны.

В то же время и в Москве, и в Пекине прекрасно понимают значение конструктивных партнерских отношений с Западом, которые

Китайский общественный строй и Россия

Один из вопросов, который часто поднимается и сегодня, но особенно бурно обсуждался в нашей стране в 90-е годы прошлого века: возможно ли стабильное долгосрочное сотрудничество между государствами со столь различными общественным строем и политическим режимом? Действительно, российский и китайский политические режимы значительно отличаются друг от друга. Российские власти провозглашают свою страну демократическим государством в западном понимании этого слова. В консти-

“Тот, кто хочет видеть Россию более независимой и мощной, должен поддерживать развитие ее отношений с Китаем, конечно не доводя дела до военного союза”.

крайне необходимы обеим странам для укрепления своего положения на международной арене, решения важных международных задач (например, в области нераспространения ОМУ), а также задач экономического развития. Именно поэтому и Китай, и Россия выступают против создания антизападного военного союза.

Таким образом, тесные конструктивные отношения сотрудничества, не доходящие до крайностей как враждебности, так и союзничества, полностью соответствуют интересам и России, и Китая. Если, конечно, под интересами России понимать ее становление в качестве сильного, стабильного и экономически процветающего государства, проводящего независимую, но ответственную внешнюю политику, а не превращение ее в младшего брата «цивилизованного мира» и передового бойца с «китайской угрозой» или, наоборот, младшего брата нового центра коммунистического движения и передового бойца с «мировым империализмом».

туции же КНР Китай назван «социалистическим государством народно-демократической диктатуры». Может ли различие режимов послужить препятствием для развития двусторонних отношений и как следует относиться к китайской политической реальности? Эти вопросы тесно связаны с более широкими представлениями о целях общественного развития.

Что важнее: свобода или достаток? Этот вопрос издавна обсуждается философами и политиками. Конечно, хотелось бы и того и другого, но бывает так, что свобода не ведет к достатку, а достаток — к большей свободе. В западном мире сложилось представление, что свобода ценна сама по себе. Это мнение (а скорее, вера) основано на длительном развитии политической и философской мысли, корни которой — в теории «естественных прав», зародившейся в западном христианстве много веков назад. Если свобода самоценна, если она — «естественное право» человека, с которым он рожден, то нет смысла обсуждать, нужна ли она, и если

да, то в какой степени. Более того, ею нельзя жертвовать ради чего бы то ни было: стабильности, порядка, достатка. «Те, кто в основном отказываются от свободы во имя временной безопасности, не заслуживают ни свободы, ни безопасности»², — эта фраза, приписываемая Бенджамину Франклину, выражает суть современного западного подхода к свободе. Но что значит — не заслуживают?

“Китайское руководство опасается, как бы **разбуженная свободными выборами инициатива масс** не свернула страну с пути успешных экономических реформ”.

А если хочется есть? В мире, не затронутом западнохристианской традицией, тем более в странах бедных и нестабильных, такой веры часто не понимают и подходят к свободе инструментально: полезна ли свобода для чего-то, например, для экономического развития, государственного строительства и т. п.

Вопрос о соотношении достатка и демократии, то есть политического режима, в наибольшей степени обеспечивающего политическую свободу, крайне актуален для многих современных государств, в том числе для России и Китая. В обеих странах необходимость демократии никто не оспаривает. Российский президент говорит о демократии в России, пусть и не вполне «чистой» (но «чистой», по его мнению, нет нигде в мире). На недавно прошедшем XVII съезде китайских коммунистов их лидер Ху Цзиньтао заявил о необходимости совершенствования социалистической демократии, при этом укрепляя руководящую роль КПК и придерживаясь «правильной политической ориентации» (см. об этом также статью Ольги Борох и Александра Ломанова на с. 41–60 в этом номере *Pro et Contra*).

Вообще называть себя противником демократии в сегодняшнем мире — явный моветон. Демократия превратилась в популярный

лозунг, демократами называют себя все: от Ким Чен Ира до Джорджа Буша. Вопрос лишь в том, какая демократия нужна данному конкретному обществу: та ли, что обеспечивает политическую свободу и права личности, или какая-то другая.

Китайская история сложилась так, что свобода в этой стране часто приводила к смуте или еще более жесткому деспотизму.

В 1912 году Китай стал первой в Азии республикой, однако антимоноархическая революция вызвала распад страны на регионы, контролируемые милитаристскими группировками. Коммунисты, пришедшие к власти в 1949-м под лозунгом «народной демократии», установили жесточайшую диктатуру. Начавшаяся в 1966 году «Великая пролетарская культурная революция», выплеснувшая на улицу «энергию масс», сопровождалась такими зверствами и массовыми беспорядками, что руководству пришлось обуздывать эту энергию с помощью вооруженных сил. Наконец, студенческие демонстрации с требованием установить западную либеральную демократию в 1989-м парализовали на несколько дней жизнь в Пекине и других крупных городах.

Поэтому нынешнее китайское руководство опасается, как бы разбуженная свободными выборами инициатива масс не вызвала новые беспорядки и не свернула страну с пути успешных экономических реформ. Да и оказаться отстраненными от власти тоже не хочется. В результате китайские лидеры активно ищут формулу демократического режима, в то же время не требующего смены власти. Западная демократия, которую один из ее теоретиков Адам Пшеворский опреде-

лил как «определенность процедур при неопределенности результатов», китайским властям явно не подходит. Им, да и не только им, требуется другая демократия — демократия неопределенности процедур при определенности результатов.

Именно поэтому последнее время китайские коммунисты с большим интересом следят за развитием в России дискуссии о «суверенной демократии». С поисками «другой демократии» связаны многие официальные трактовки демократического режима в Китае. Согласно одной из них, в современном западном обществе приоритет отдан гражданским правам и свободе личности, потому что «западная демократия возникла в процессе борьбы буржуазии с феодальным абсолютизмом». Китайская же демократия «возникла в ходе борьбы китайского народа с империалистической агрессией и порабощением, в условиях революционной борьбы за национальную независимость и освобождение народа», поэтому она отличается «организованностью, тем, что она концентрирована и направляема». Логика ее осуществления заключается в том, что «полномочия государства приоритетны по сравнению с правами граждан, а права личности подчинены интересам развития страны»³. Другая идея гласит, что в китайской демократии нет проблемы выбора режима, потому что выбор в пользу руководства КПК уже был сделан на «несколько тысяч лет вперед»⁴. Третья идея заключается в том, что «народной демократии» необходим авангард, чтобы указывать народу, к чему стремиться. Наконец, заслуживает внимания теория официальных китайских политологов, утверждающих, что права личности могут быть обеспечены только по мере экономического и общественного развития. В Китае, например, сначала нужно было укрепить суверенитет (это уже сделано), затем создать определенный уровень достатка и социального равенства

(это делается сейчас), а уж потом расширять права личности, которые в условиях голода и развала страны все равно осуществлены быть не могут⁵. С этим непосредственно связана официальная китайская концепция прав человека, согласно которой главное из них — «право на жизнь», то есть обеспечение основных материальных потребностей человека, без чего другие права теряют смысл.

Российские эксперты по-иному оценивают китайский режим. Фундаментальный коллективный труд российских политологов «Политический атлас современности», в котором приняли участие ученые МГИМО и российского Института общественного проектирования, предлагает уникальную методику классификации мировых политических систем. В соответствии с этой методикой, учитывающей беспрецедентно большое число факторов, в рейтинге стран мира по институциональным основам демократии Китай и Россия занимают соответственно 178-е и 93-е место; в рейтинге государственности — 12-е и 27-е (то есть здесь мы уступаем соседям); в рейтинге наличия внешних и внутренних угроз — 78-е и 81-е, в рейтинге потенциала международного влияния — 2-е и 7-е, а в рейтинге качества жизни — 95-е и 73-е⁶. В другом исследовании, выполненном академиком РАН Виктором Полтеровичем и профессором Российской экономической школы Владимиром Поповым на основе в том числе и китайского материала, делается вывод о том, что демократизация в странах со слабым правопорядком ведет к замедлению экономического роста, а с сильным — к его ускорению⁷.

Так нужна ли в свете всех этих исследований Китаю демократия? Представляется, что некоторые аргументы китайских властей заслуживают внимания, хотя бы потому, что своими успехами в экономической области они доказали, что являются серьезными политиками, возможно наиболее успешными

за последние сто лет. Это не означает, что с ними во всем нужно соглашаться и определять однопартийную диктатуру как демократию. Но в то же время для тех, кто наблюдает за развитием Китая и России последних десятилетий, ясно, что вопрос о том, не подорвет ли поспешная демократизация стабильность, необходимую для продолжения успешной экономической политики, по меньшей мере, заслуживает обсуждения. У американцев есть пословица: «Если что-то не сломано, не нужно это чинить». Возможно, в сегодняшнем Китае ситуация во многих отношениях не идеальная, но она, безусловно, наилучшая за долгие десятилетия и даже столетия. Зачем же подвергать ее опасности взрыва, который может отразиться и на нашей стране (достаточно представить себе массы эмигрантов, бегущих от политической нестабильности!)? Вот когда экономическое положение станет хуже или относительно хуже, когда нынешняя власть не сможет обеспечивать потребности развития и удовлетворять растущие ожидания населения, тогда жители Китая, возможно, и задумаются о демократизации. Именно тогда в Китае может произойти переход к более демократичной системе, как это случилось уже у многих его соседей, избравших сходную модель развития, — у Южной Кореи, Тайваня, Индонезии. Нам остается лишь надеяться, что прежде чем до этого дойдет дело, уровень достатка, правопорядка и правосознания в Китае станет достаточным, чтобы демократизация стимулировала, а не подрывала общественную стабильность и экономический рост.

Нужна ли демократия России? Как и в Китае, несколько попыток демократизации в нашей стране оказались безуспешными. Некоторые связывают это с привычками, выработанными тоталитарным режимом, другие — с более давними российскими культурными традициями. В любом случае опросы общественного мнения показывают,

что современные россияне, за исключением незначительного меньшинства, не особенно озабочены ущемлением политических прав. В то же время жители нашей страны очень хотели бы сохранить некоторые неполитические права и возможности, полученные ими в результате краха советской системы: право на неприкосновенность личной жизни и жилища, право выбора занятия и работы, право владеть собственностью, которые обеспечивались бы заботливым патерналистским государством⁸. А это означает, что только режим, отвечающий таким чаяниям, а не абстрактным либеральным схемам, может быть стабильным на данном этапе развития политического сознания. Общество, не желающее большей свободы, не может быть более свободным, чем оно есть: ведь свобода возникает как результат длительной борьбы за нее и лишь в том обществе, где она считается необходимой.

Известные российские мыслители, такие, как Иван Ильин и Александр Солженицын, десятки лет назад предупреждали, что выход из тоталитаризма, убивающего всякую инициативу, возможен только через авторитаризм, дающий некоторые ограниченные возможности, но сдерживающий инстинкты внезапно получивших свободу рабов⁹. Распадом страны, тысячами жертв локальных войн, десятилетним спадом производства заплатили мы за то, что поверили не им, а сторонникам политической свободы как абсолютной ценности, и все равно пришли к «суверенной демократии».

Интересно, что политическая «стабилизация» в России радуется как китайских консерваторов, так и сторонников политических реформ. И те и другие считают, что хаос и политическая нестабильность соседа — не в интересах Китая, так как в условиях нестабильности непонятно, с кем иметь дело, с кем развивать экономическое сотрудничество. Консерваторы довольны тем, что

западная модель демократии не приживается в бывшем центре мирового социализма, и указывают на это своим оппонентам, говоря, что и в Китае у нее нет перспектив, а последствия могут быть еще более разрушительными, чем у соседа. Реформаторы, напротив, говорят, что нынешние успехи России обусловлены либеральными реформами 90-х годов, которые в конце концов дали результат. Как бы то ни было, и России, и Китаю для нужд экономического развития и укрепления международного статуса необходимы тесные отношения друг с другом независимо от их политического строя. Тот факт, что в последнее время наметилось сближение характера российского и китайского политических режимов, служит дополнительным, а не решающим фактором укрепления взаимопонимания.

Политическая культура, политическое сознание меняются, но меняются медленно. Возможно, и в России, и в Китае экономическое развитие подтолкнет политические изменения, рост частной собственности, а более глубокое знакомство с зарубежным опытом и недовольство собственным бесправным положением приведут к тому, что

граждане осознают пользу независимого суда, разделения властей, что, в свою очередь, вызовет потребность в расширении политических свобод. Ухудшение экономического положения, которое время от времени происходит везде, может дать толчок подобным переменам. Но если это и произойдет, то, вероятно, не так уж скоро. А до той поры специалисты и с нашей, и с китайской стороны на различных конференциях будут с большим интересом обсуждать сравнительные достоинства «суверенной демократии» и «правильной политической ориентации».

Экономическое сотрудничество

В области российско-китайского торгово-экономического сотрудничества ситуация довольно сложна. Торговля между Россией и Китаем развивается быстро. Ежегодный прирост за последние годы составляет примерно 30 проц., в 2006 году товарооборот (по китайским данным) составил 33,4 млрд долларов США. Много это или мало? Довольно много по сравнению с прошлым, но довольно мало по сравнению с товарооборотом между экономически развитыми соседями. Например, торговый оборот между США и Канадой

Таблица 1

ТОРГОВЛЯ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ С 10-Ю ОСНОВНЫМИ ТОРГОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ В 2006 Г., МЛРД ДОЛ. США (ПО ДАННЫМ КИТАЙСКОЙ ТАМОЖЕННОЙ СТАТИСТИКИ)						
	Объем	Экспорт	Импорт	Доля в товарообороте	Прирост (%)	Изменение в доле товарооборота (%)
США	262,68	203,47	59,21	14,9	24,2	0,0
Япония	207,36	91,64	115,72	11,8	12,5	-1,2
Гонконг	166,17	155,39	10,78	9,4	21,6	-0,2
Республика Корея	134,31	44,53	89,78	7,6	20,0	-0,3
Тайвань	107,84	20,74	87,11	6,1	18,2	-0,3
Германия	78,19	40,31	37,88	4,4	23,6	–
Сингапур	40,85	23,18	17,67	2,3	23,3	–
Малайзия	37,11	13,53	23,57	2,1	20,9	–
Нидерланды	34,51	30,86	3,65	2,0	19,8	–
Россия	33,39	15,83	17,55	1,9	14,7	-0,1

Источник: <http://english1.mofcom.gov.cn/statistic/statistic.html>

в 2006 году составил 532 млрд дол., США с Мексикой — 332 млрд долларов.

Если сравнить объемы торговли Китая с другими партнерами, то доля России окажется невелика. Например, объемы американо-китайской торговли превосходят объемы российско-китайской почти в 10 раз. Россия как торговый партнер менее значим для Китая не только по сравнению с очевидными лидерами (Япония, Южная Корея, Германия), но и с такими государствами, как Сингапур и Малайзия. Доля нашей страны в общем товарообороте КНР не достигает и 2 проц., причем она постоянно снижается, так как темпы роста двустороннего товарооборота не позволяют ее увеличивать (см. табл. 1).

Что касается места Китая, то в торговом обороте России эта страна занимает гораздо более высокую 4-ю позицию с долей 6,5 проц., причем последняя постоянно увеличивается (если использовать китайские данные объема товарооборота, то Китай занял бы 3-е место). Это говорит о том, что роль Китая как торгового партнера России постоянно увеличивается, а роль России для Китая — уменьшается, что может привести к непропорциональной зависимости нашей страны от соседа (см. табл. 2).

На межгосударственном уровне принят план увеличения объемов двусторонней торговли до 60–80 млрд дол. к 2010-му году,

однако многие эксперты сомневаются в том, что такой результат достижим. Согласно исследованию, проведенному российским Центром стратегических разработок, основное препятствие на этом пути — неразвитость российской инфраструктуры, которая не позволяет с выгодой доставлять товары в обе стороны.

Последние годы в двусторонней торговле наблюдаются и другие неблагоприятные для нашей страны тенденции. Россия — одна из немногих стран мира, до недавнего времени сохранявшая в торговле с Китаем положительный баланс, однако он стремительно сокращается. По данным Главного таможенного управления КНР, в первом полугодии 2007 года товарооборот между Россией и Китаем составил 20,5 млрд дол., увеличившись на 35,3 процента. При этом китайский экспорт в Россию вырос на 71,9 проц. до отметки в 10,7 млрд дол., в то время как импорт российской продукции увеличился всего на 9,5 проц. и составил 9,7 млрд дол. США. Таким образом, высокие темпы роста товарооборота обеспечиваются в основном за счет ускоренного увеличения китайского экспорта в Россию. Так, во втором квартале 2007-го экспорт китайских товаров в Россию неизменно рос не менее чем на 10 проц., в то время как темпы роста российского импорта в КНР замедлились, а в мае–июне 2007 года

Таблица 2

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С ОСНОВНЫМИ ТОРГОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ, МЛРД ДОЛ. США (ПО ДАННЫМ ФТС РОССИИ)									
	Объем 2005 г.	Экспорт 2005 г.	Импорт 2005 г.	Доля в товарообороте (% 2005 г.)	Объем 2006 г.	Экспорт 2006 г.	Импорт 2006 г.	Доля в товарообороте (% 2006 г.)	Прирост (%)
Германия	33,0	19,7	13,3	9,7	42,9	24,5	18,4	9,8	30
Нидерланды	26,5	24,6	1,9	7,8	38,5	35,8	2,7	8,8	45
Италия	23,5	19,1	4,4	6,9	30,8	25,1	5,7	7,0	31
Китай	20,3	13,0	7,3	6,0	28,6	15,8	12,8	6,5	41
Украина	20,2	12,4	7,8	5,9	24,2	15,0	9,2	5,5	20
Белоруссия	15,8	10,1	5,7	4,7	19,9	13,1	6,8	4,5	26

Источник: <http://www.rusimpex.ru/>

были отрицательными — минус 3,3 и минус 1,8 проц. соответственно¹⁰. По предварительным данным, в 2007-м произойдет знаменательное событие — впервые за долгие годы китайский экспорт в Россию превзойдет импорт. И это несмотря на значительное повышение цен на нефть, за счет чего в основном и растут цифры российского экспорта.

Впрочем, если разобраться, Россия поставляет в Китай не так уж много нефти. Долгие споры о том, куда и как строить нефтепровод из Сибири, привели к тому, что Китай для удовлетворения своей постоянно растущей потребности в энергоносителях обратил взор на других поставщиков. В 2006 году поставки сырой нефти из России в совокупном импорте Китая составляли лишь 11 проц., то есть она занимала четвертое место после Саудовской Аравии (16,4 проц.), Анголы (16,2 проц.), Ирана (11,6 проц.) Особенно быстро увеличиваются поставки из Казахстана: за 2006-й рост на 107,8 процента. Этому во многом способствовало быстрое завершение строительства нового нефтепровода из Казахстана в Китай. В отсутствие нефтепровода примерно 2/3 российских поставок идут по железной дороге, 1/3 — морем. В то же время в натуральном выражении экспорт российской нефти за первые 9 месяцев 2007 года по сравнению с аналогичным периодом 2006-го снизился на 10 процентов¹¹. Значительному увеличению поставок российской нефти в Китай могло бы способствовать быстрое окончание строительства китайской ветки нефтепровода Сибирь — Тихоокеанское побережье (от Сковородино до Дацина). Однако ее сооружение, кстати, полностью финансируемое за счет Китая, судя по всему, затягивается. 14 июня 2007 года на встрече с Путиным тогдашний президент «Транснефти» Семён Вайншток сообщил, что из 2 700 км общей протяженности нефтепровода к Тихому

океану уже построено 950 км, причем никаких проблем с китайским финансированием ответвления на Дацин нет, несмотря на то, что стоимость превысит первоначальные планы¹². Однако в ноябре 2007-го российский торговый представитель в Китае Сергей Цыплаков дал понять, что с Китаем решены еще не все вопросы¹³.

Не следует забывать, что официальная статистика не учитывает нелегальную или полулегальную торговлю (по «серым» и «черным» схемам), которая, по некоторым оценкам, сопоставима с официальной и по каналам которой проходит практически весь импорт китайского ширпотреба в Россию. Часть нелегальной торговли видна при сопоставлении китайской и российской торговой статистики, итоговые данные которых в 2006 году расходились почти на 5 млрд долларов. Одно из объяснений этого — практика китайских экспортеров, а вернее, так называемых российских «таможенных брокеров», которые их обслуживают, когда поставщики — естественно, не без помощи некоторых таможенников — декларируют одни и те же товары на китайской границе по более высокой цене, а на российской — по более низкой, переводя их в другие категории (например, обувь может превратиться в карандаши, а телевизоры в ластик).

Номенклатура российского экспорта в Китай неуклонно сокращается. Было время, когда более 40 проц. китайского импорта из СССР составляли машины и оборудование, сегодня их доля упала до нескольких процентов. Доля машинотехнической продукции в российском экспорте в КНР составила в первом полугодии 2007-го 1,3 проц., по сравнению с аналогичным периодом 2006 года она снизилась на 0,09 процента. Россия по большей части поставляет в Китай сырье (главным образом, нефть и лес). Так, если в 2004-м в структуре российского экспорта такие товарные группы, как «минеральное

топливо», «древесина», «удобрения», «рыба и морепродукты», «черные» и «цветные металлы», «целлюлоза», «руды», составляли 84,2 проц., то в 2005 году этот показатель вырос до 88,7 проц., а в 2006-м — до 90,5 процента.

В структуре российского экспорта в Китай с большим отрывом лидируют углеводородное сырье, нефть и нефтепродукты — в первом полугодии 2007 года доля этой товарной группы составила 49,6 процента. Китайский импорт в Россию более стабилен и характеризуется более широкой товарной номенклатурой. Хотя на первом месте по-прежнему остаются товары текстильной промышленности, которые составляют 27,2 проц. китайского экспорта в Россию, постоянно возрастали поставки китайской электроники и машинотехнической продукции, доля которой достигла уже около 25 процентов.

В области производства машин и оборудования Россия все менее способна заинтересовать китайских потребителей, да и со многими полученными заказами наши предприятия не справляются. Кроме того, Китай постепенно замещает собственными товарами традиционные статьи российского экспорта. Было время, когда по китайским дорогам бегали советские «Волги», «Лады» и «ЗИЛы». Сегодня наши дороги осваивают китайские джипы «Чанчэн» и малолитражки QQ. Для Китая, как ранее для развитых стран Европы, Россия, по сути, превращается в сырьевой придаток (или, как скажут с гордостью иные, в «энергетического партнера»).

Взаимные инвестиции двух стран также крайне незначительны. По данным Министерства коммерции КНР, прямые китайские инвестиции в Россию без учета капиталовложений в банковский и страховой секторы, а также ценные бумаги, составили в 2006-м 470 млн дол. США (против 203 млн дол. в 2005-м). Общий объем накопленных китайских инвестиций достиг 935 млн долларов. Объем фактически использованных

российских инвестиций в Китай — примерно в 2 раза меньше (541 млн дол. на 2006 г.).

Китай очень заинтересован в том, чтобы наращивать инвестиции в нашу страну, в Пекине принят план доведения их объема до 12 млрд дол. к 2020-му. Есть уже и несколько крупных проектов: строительство консорциумом шанхайских компаний микрорайона «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге, сооружение бизнес-центра «Парк Хуамин» в Москве, строительство двух целлюлозно-бумажных комбинатов в Хабаровском крае и Читинской области. Однако все эти проекты стали возможны только благодаря активной поддержке китайского правительства, на свой страх и риск китайские бизнесмены идти в Россию пока не готовы. Основное препятствие — неблагоприятный инвестиционный климат в России.

Китайские опасения вызваны как общими проблемами (коррупция, непонятное и противоречивое законодательство), так и отношением в обществе к самим китайцам. Российское население да и чиновники плохо знают современный Китай. Многим он еще представляется бедной и отсталой страной (достаточно вспомнить высказывания Бориса Немцова, будто в Китае чуть ли не полстраны живет в нищете¹⁴). Действительно, в Китае еще много бедных регионов, но это совсем не та нищета, что была ранее, — там нет голодных и нуждающихся в одежде. Значительная же часть страны — это районы с высокоразвитой современной экономикой. Кроме того, в Китае появилось много состоятельных людей, которые, приезжая в Россию, с удивлением поглядывают на бедность и неустроенность в регионах, пограничных с Китаем. Их также удивляет незаинтересованность в китайских предложениях российских чиновников, которые разговаривают с ними совсем по-другому, чем с западными бизнесменами.

Российские и китайские власти понима-

ют существующие проблемы и пытаются их решить. Правительства обоих государств постоянно поощряют своих предпринимателей сотрудничать с другой стороной, регулярным стало проведение двусторонних экономических и инвестиционных форумов. Развиваются контакты между пограничными и таможенными службами обеих стран. В ноябре 2006 года подписано межправительственное соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Во время визита в Россию китайского премьера Вэнь Цзябао в ноябре 2007-го приступила к работе двусторонняя палата по содействию торговле машинотехнической и инновационной продукцией.

В то же время следует признать, что значительному расширению российско-китайского

политические взаимоотношения (так, за последние годы уже несколько американских администраций постепенно смягчали антикитайскую риторику под давлением экономических интересов). В отличие от этого, в российско-китайских отношениях, наоборот, высокий уровень политических контактов и согласие по политическим проблемам выступает стимулом (иногда эффективно, а иногда нет) развития торгово-экономических связей.

Миф о демографической экспансии

Уже более полутора десятилетий в России, то усиливаясь, то затухая, идут разговоры об угрозе китайской «демографической экспансии». Газеты пишут о переселившихся в Россию то ли сотнях тысяч, то ли миллионах китайских мигрантов; о том, что китай-

“В отношениях Китая с Западом мощная структура торгово-экономических связей поддерживает и даже корректирует политические взаимоотношения”.

торгово-экономического сотрудничества и развитию его в благоприятном для России направлении препятствует не отсутствие двусторонних мер, которые как раз принимаются, а общее состояние российской экономики и инвестиционного климата в России. При нынешнем уровне коррупции и неэффективности органов государственной власти работать в подобном климате могут только мощные корпорации, готовые к стратегическим капиталовложениям на длительную перспективу и обладающие достаточным влиянием, чтобы противостоять корыстным поползновениям чиновников хотя бы низкого и среднего ранга. В Китае таких корпораций пока немного, а те, что есть, предпочитают работать на других, более благоприятных рынках.

В отношениях Китая с Западом мощная структура торгово-экономических связей часто поддерживает и даже корректирует

ское руководство якобы такое переселение поощряет, вынашивая планы заселения российских территорий и последующего их захвата; что Китай субсидирует выезд своих граждан в Россию; что китайская мафия, также руководимая из Пекина, контролирует Россию; что Китай овладевает нашими стратегическими ресурсами, вооружается современным российским оружием, с тем чтобы потом на нас же и напасть.

Такие представления распространяются не только на российском Дальнем Востоке, но и в Москве. То известный политик-«патриот» Дмитрий Рогозин по всем каналам телевидения рассказывает о некоей российской пенсионерке, якобы фиктивно вышедшей замуж за 96 китайцев, чтобы те получили российское гражданство. То его бывший соратник по партии Михаил Делягин собирает «круглый стол», на котором сообщает, что Китай про-

вел маневры в России и в связи с этим нужно срочно вооружаться на Дальнем Востоке. Он же утверждает, что, даже по сомнительным данным переписи 2002-го в России проживает 300 тыс. китайцев, а реально то ли 2, то ли 3 миллиона (действительные данные переписи — 34 577 человек)¹⁵. Но превзошел всех советник председателя Конституционного суда Владимир Овчинский, выпустивший

Представляется, что данные переписи близки к реальным цифрам: в нашей стране постоянно проживают максимум несколько десятков тысяч китайцев — никак не сотни тысяч и тем более не миллионы. (Кстати, по данным той же переписи, в России корейцев больше, чем китайцев, в пять раз, таджиков — в четыре раза, поляков — в два раза, а финнов примерно столько же, однако о корейской,

“Присутствие китайцев на российской территории не носит характера массовой миграции — оно отражает совершенно нормальную ситуацию для стран-соседей”.

целый труд, основное содержание которого сводится к тому, что китайская мафия уже контролирует большинство стран мира и близка к полному захвату России. И эти примеры можно продолжить¹⁶.

Несмотря на очевидное несоответствие действительности, страшилки о китайском нашествии популярны в обществе и некоторых политических кругах, как «либеральных», так и «патриотических». В исследовательском сообществе складывается своеобразная «антикитайская фоменковщина» — серьезные исследователи и эксперты, занимающиеся Китаем, не всегда находят время отвечать на каждую нелепицу, а при этом существуют люди, распространяющие бездоказательные утверждения, цитирующие друг друга, выдающие нелепости за общеизвестные факты и тем не менее пользующиеся определенным доверием в обществе.

Одна из причин — отсутствие точной информации о том, сколько в России китайцев, как, впрочем, и представителей других национальностей. Государственные органы, отвечающие за миграцию и правопорядок, пока не располагают такими данными, а меньше всего знакомы с ситуацией те, кто обязан владеть ею по должности, — правоохранительные органы.

таджикской, польской или финской угрозе почему-то никто не говорит.)

Совершенно естественно, что в каждый данный момент в России находится значительное количество китайцев, а в Китае — россиян, поскольку Россия и Китай — дружественные соседние страны, экономическое сотрудничество между которыми растет год от года. Из тех китайцев, которых можно встретить на улицах Москвы, Новосибирска, Хабаровска или Владивостока (по сравнению с другими крупными городами мира их число относительно невелико), практически никто не попал в Россию в результате незаконного перехода российско-китайской границы, хорошо охраняемой еще с советских времен; никто из них не переплыл Амура и не пришел окольными тропами по Уссурийской тайге (в этом большое отличие от эмиграции в Европу и от эмиграции в Россию из стран СНГ). (О китайцах, временно находящихся на территории России, см. подвѣстку на с. 85.)

Настоящие (легальные) иммигранты — это те, кто получил вид на жительство или гражданство. Таких на российской территории довольно мало (те данные, которые получены в ходе переписи, вероятно, и есть суммарное количество китайцев, постоянно проживающих в России на законных осно-

ваниях). Это объясняется нежеланием большинства китайцев постоянно жить в России (согласно опросам, они считают российский климат неблагоприятным, жалуются на враждебное отношение властей и населения, а также коррупцию). Большинство хочет заработать и вернуться в Китай, где для людей с деньгами жизнь сегодня гораздо лучше и спокойнее.

Есть, конечно, и те, кто живет в России нелегально — без регистрации, просрочив визу, в вагончиках на рынках, в китайских общежитиях и на съемных квартирах, боясь выйти на улицу и встретить милиционера. Но таких никак не сотни тысяч. К тому же их постоянно отлавливают и высылают на родину. Таким образом, присутствие китайцев вовсе не носит характера массовой

миграции. Это совершенно нормальная ситуация для стран-соседей, — просто многим россиянам, привыкшим к закрытой границе с Китаем, трудно приспособиться к новой реальности.

Таким образом, страхи относительно Китая надуманны: никогда, даже в самые сложные годы советско-китайских отношений, на официальном уровне Китай не предъявлял нашей стране никаких официальных территориальных претензий, не существует никаких доказательств поощрения миграции в Россию со стороны китайских властей. Напротив, руководство Китая постоянно рекомендует своим гражданам, находящимся в нашей стране, соблюдать российские законы и способствовать ее экономическому развитию.

Китайцы в России

Китайцев в России можно разделить на несколько групп. Во-первых, это туристы, приехавшие на короткий срок. В результате успешных экономических реформ в Китае появилось довольно много состоятельных граждан, и, естественно, многие жители Поднебесной захотели посмотреть мир. В 2006 году нашу страну посетили 720 тысяч китайских туристов (на 50 тыс. меньше, чем в 2005-м). При туристических поездках чаще всего используется коллективная виза (все члены группы въезжают и выезжают одновременно) (см.: *Турпоездка в Китай подогрывается «Годом Китая» в России* (http://www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/rcc/info/Article.jsp?col_no=713&a_no=68095)). По таким визам въезжают около 50 проц. всех китайцев, прибывающих в Россию. Срок пребывания по такому документу ранее был до 30 дней, но в 2006 году его сократили до 15. Более десятилетия назад некоторые участники таких групп, случалось, не возвращались в срок, но сегодня эта проблема практически решена: строгие санкции в отношении турагентств привели к тому, что с 1997-го процент выехавших вовремя не опускался ниже 98 (это не означает, что два процента остаются; большинство из тех, кто по какой-то причине отстал от группы, выезжают позднее).

Во-вторых, это рабочие, официально приглашаемые на строительные, сельскохозяйственные и другие работы по квотам субъектов Федерации. В Приморском крае, где китайские рабочие руки используются наиболее активно, одновременно находится 6—7 тысяч китайских контрактников, несколько меньше — в Хабаровском крае и Амурской области. Некоторое их число трудится на строительных работах в Москве и других регионах. Контрактники остаются в России на более длительный срок (до окончания контракта — обычно один год) и выезжают после его окончания.

В-третьих, это бизнесмены. Большинство из них получают визы сроком до двух месяцев (ими пользуются около 45 проц. всех китайцев). Даже те из них, кто бывает в России регулярно и имеет в нашей стране бизнес или недвижимость, все равно вынуждены каждые месяц или два возвращаться в Китай для оформления новой визы. Визы на более длительный срок (до трех, шести месяцев или одного года) выдаются единицам.

В-четвертых, это студенты, часть которых в действительности занимается бизнесом. Все эти группы трудно назвать иммигрантами в полном смысле, но это 90 проц. китайцев, находящихся в России.

Между прочим, в Китае тоже немало россиян. КНР занимает второе место в России по туристической привлекательности, уступая лишь Турции. Согласно статистике Федерального агентства по туризму России, в 2006 году в Китае побывало 2 млн 353 тыс. российских туристов (на 8,3 проц. больше, чем в 2005-м), и эта цифра превышает в три с лишним раза число китайских туристов, посетивших Россию в том же году. Часть из них, вероятно, в Россию едут за покупками, но это не меняет сути дела. Приграничные китайские города наполнены русскими туристами и торговцами; некоторые из них там живут постоянно или приезжают по нескольку раз в месяц. Китайские курорты Далянь, Бэйдайхэ и даже отдаленный остров Хайнань превратились в русские анклавы: наши соотечественники владеют там ресторанами, магазинами, клубами и турфирмами. В центре Пекина на знаменитом оптовом рынке Ябаолу все торговцы говорят по-русски, а россияне держат несколько ресторанов, гостиниц и десятки транспортных компаний. Большинство крупных российских компаний открыли в Китае свои представительства. Зайдите на сайт знакомств mail.ru, и только на нем вы обнаружите имена нескольких тысяч живущих в Китае россиян, желающих найти себе друга или подругу. Так что китайцы могли бы по меньшей мере с тем же основанием шуметь о российской угрозе. Но они предпочитают использовать деньги российских гостей для развития экономики и строительства новых городов и создают условия для того, чтобы из России приезжало как можно больше туристов.

Антикитайские чувства в России имеют давнюю историю. Сегодня у них есть как психологические, так и политические причины. Ведь были времена, когда китайцев в России было действительно много. В начале XX века китайцы составляли треть населения Владивостока; там, а также в Хабаровске действовали специальные подразделения

полиции, укомплектованные китайцами. Тогда в России впервые возник страх перед китайским «демографическим нашествием». Но сегодня чувства не связаны с реальными цифрами. На Дальнем Востоке неприязненное отношение к китайцам отражает недовольство населения политикой федерального центра, который, как там считают, бросил этот регион на произвол судьбы перед лицом быстро развивающегося южного соседа. По крайней мере, в 90-е годы XX века антикитайские настроения активно подогревались администрациями некоторых приграничных регионов, стремившихся свалить неспособность улучшить жизнь населения на Москву и на китайцев, которые якобы все украли и заняли все рабочие места.

В центре России действуют иные механизмы. Антикитайские настроения порой подогреваются некоторыми представителями правоохранительных органов, стремящимися, как и региональные власти, отвлечь внимание от собственной некомпетентности, а также политики, пытающиеся заработать очки на национализме или радикальном «западничестве». Не случайно и то, что волна разговоров о китайской угрозе поднимается всякий раз, когда серьезные китайские компании делают России выгодные предложения. Так случилось в конце 2002-го, когда Китайская национальная нефтяная корпорация (КННК) предлагала купить российскую часть «Славнефти». Тогда в мощной и хорошо организованной кампании под лозунгом «не отдадим стратегические ресурсы иностранцам, тем более китайцам» включились и Борис Немцов¹⁷, и традиционные «патриоты», и Госдума в целом. В результате «Славнефть» попала в руки «своих» — «Сибнефти» и ТНК, а бюджет недосчитался 1–2 млрд долларов.

Следующий всплеск кампании приходится на вторую половину 2006 года. Именно тогда Россия приняла окончательное решение

относительно маршрута будущего нефтепровода из Сибири к Тихоокеанскому побережью с ответвлением в Китай, а «Роснефть» и КННК подписали соглашение о создании СП «Восток-Энерджи», которое, в частности, должно заниматься совместной разведкой и разработкой нефтяных месторождений на российской территории, строительством нефтеперерабатывающих мощностей и продажей их продукции в Китай. Речь идет о крупных инвестициях и серьезной попытке диверсификации поставок российских энергоносителей, что, естественно, многим не нравится. Прежде всего этим недовольны многие международные корпорации, которые до недавнего времени играли доминирующую роль на российском рынке, а также

бесценок российский лес и использовать «серые» и «черные» схемы для ввоза товаров. Взятничество в органах внутренних дел, где закрывают глаза на несоблюдение правил регистрации, позволяет китайским гражданам (как, впрочем, и гражданам других государств) обходить российское законодательство. Мафия (не китайская, а российская) действительно контролирует рынки, на которых работают китайцы, и общезжития, где они живут. Депопуляция России действительно происходит, а в приграничных с Китаем территориях идет ускоренными темпами, что вызывает нехватку рабочих рук. При этом китайцы действуют по тем правилам, которые им предложены, и если россияне не могут их изменить, то следует говорить

“Миф о китайской угрозе в сочетании с неэффективностью властей серьезно сдерживает развитие Сибири и российского Дальнего Востока”.

некоторые западные политики, стремящиеся навязать российскому энергокомплексу свои условия, пользуясь тем, что практически все функционирующие сегодня российские трубопроводы пока идут в западном направлении.

Складывается впечатление, что не последнюю роль в муссировании «китайской угрозы» играют экономическое лоббирование и борьба политико-экономических группировок, представляющих интересы крупных энергетических компаний. В более широком плане антикитайская кампания, по сути, идет на пользу неэффективным российским руководителям, отвлекая внимание населения от реальных проблем страны и неспособности властей с ними справиться.

Отношения между Россией и Китаем действительно отягощены рядом проблем, только проблемы эти — скорее российские, чем китайские. Коррупция на российской таможне позволяет китайским фирмам скупать за

не о китайской, а о российской угрозе. Не Китай угрожает России, а те российские власти, которые не хотят или не могут решать проблемы страны, и недостаточно активное население, которое не стремится исправить положение дел.

Миф о китайской угрозе в сочетании с неэффективностью как региональных, так и федеральных властей, серьезно сдерживает развитие Сибири и российского Дальнего Востока. Достаточно проехать вдоль российско-китайской границы, чтобы увидеть, что на месте небольших деревушек с китайской стороны за последние лет двадцать выросли современные города, а с российской — ситуация по сравнению с советским временем стала только хуже. Если в ближайшее время российский подход к развитию восточных регионов страны и возможной роли Китая (как и других государств региона) в этом процессе коренным

образом не изменится, Россия упустит историческую возможность, которая открылась благодаря китайскому экономическому чуду. Неспособность создать в Сибири и на Дальнем Востоке благоприятные условия для жизни и труда людей и таким образом остановить отток населения действительно грозит потерей этих регионов, потому что, как говорил Пётр Столыпин в связи с той же проблемой, «природа не терпит пустоты»¹⁸.

Опыт китайских реформ и Россия

Спор о китайских реформах и о том, нужно ли России что-то заимствовать из китайского опыта, идет уже больше двух десятилетий. Множество исследований посвящено тому,

логических дискуссий, в ходе которых были сформулированы цели реформ. В Китае группировка во главе с Дэн Сяопином, пришедшая к власти вскоре после смерти Мао Цзэдуна, пытаясь разобраться, почему страна находится в таком плачевном положении, провела целый ряд идеологических собраний, дискуссий, научных совещаний, в результате которых возникла теория, идеологически обосновавшая необходимость реформ и их характер.

Прежде всего, была сохранена основная цель развития страны, стоявшая перед ней с конца XIX века: превращение Китая в мощное государство. Это была общая линия всех китайских реформаторов и революционеров,

“Бытует миф, будто китайские реформы начались с экономики, а советские — с политики. На деле и те и другие начались с идеологических дискуссий”.

какие экономические меры привели Китай к бурному подъему экономики, а Россию — к десятилетнему спаду. Однако основное различие реформ в наших странах — в роли государственной власти, которая в обоих случаях была их инициатором.

Государственная власть, приступающая к серьезным реформам, должна:

- поставить задачи по реформированию существующей системы;
- наметить пути их решения;
- использовать рычаги государственной власти для осуществления намеченного;
- вносить необходимые коррективы по ходу реформ.

По всем этим пунктам реформы в КНР проводились более эффективно и последовательно.

Существует довольно распространенный миф, будто китайские реформы начались с экономики, а советские — с политики. В действительности и те и другие начались с идео-

включая Мао Цзэдуна, пытавшихся вывести Китай из униженного положения, в котором он оказался во второй половине XIX — начале XX века. Кроме того, социализм в понимании марксистов предполагал более высокий по сравнению с капитализмом уровень развития производительных сил. Левацкая политика Мао (которому в Китае отдавали должное за политическое объединение страны), сводившаяся к немедленному введению коммунизма и огосударствлению всей экономики, потерпела очевидный крах, приведя к разрухе. Поэтому при сохранении общей цели было решено действовать по-иному. Предложенные методы — ограниченное допущение рыночных механизмов — не были новацией для коммунистической идеологии. Они применялись в СССР в период нэпа, и Сталин даже рекомендовал их китайским коммунистам, когда те пришли к власти; он считал, что Китай недостаточно развит для немедленного введения коммунизма.

Тот этап развития, которого Китай достиг к концу 1970-х, новые лидеры страны определили как «начальный этап строительства социализма», предполагавший возможность развития рыночных отношений. Интересно, что вместо коммунистического идеала общества без частной собственности (в конфуцианстве этому обществу соответствовало бы понятие *датун* — великое единение, великое равенство) Дэн Сяопин для обозначения непосредственной цели развития использовал другой конфуцианский термин *сяокан*, то есть «малое благосостояние» (общество, где возможно неравенство)¹⁹. В этом выборе сказались, по-видимому, тайваньское влияние: термин *сяокан* несколько ранее взял на вооружение Чан Кайши на Тайване также с целью обосновать допустимость развития неравенства и частной собственности на определенном этапе²⁰. В то же время общество *сяокан* понималось как социалистическое, что означало сохранение власти коммунистической партии, но не обязательно предусматривало активную социальную политику. В китайской терминологии это формулировалось как строгое следование «четырем базовым принципам»: социализму, диктатуре пролетариата, партийному руководству и идеологии марксизма-ленинизма, а также идеям Мао Цзэдуна.

В СССР первоначально также ставилась цель реформировать социализм. Однако вместо создания мощной державы (державы и так была мощной, и никто не предвидел возможности ее распада) реформы скорее ассоциировались с большей гласностью и налаживанием экономического развития, причем обе цели почти с самого начала предполагали ослабление государственного контроля («командно-административной системы», то есть власти компартии). Как и в Китае, хотя и не сразу, были приняты шаги для развития рыночных отношений и частного сектора в качестве

дополнительного по отношению к государственному; в частности, был принят закон о кооперативах (1988). Однако, столкнувшись с сопротивлением аппарата и трудностями в реализации нового закона, советское руководство отступилось и фактически свернуло его действие. У нас государству не хватило воли провести в жизнь собственные решения, и в этом главное политическое отличие китайских реформ от советских.

Китайский успех был обеспечен не только и не столько конкретными мерами — неэффективные меры часто корректировались или отменялись, взамен вводились новые. Главное в том, что в Китае для продвижения реформ удалось использовать существующий коммунистический партийно-государственный аппарат. Дэн Сяопин и его сторонники умели заинтересовать чиновников, как в центре, так и на местах, в создании рыночных механизмов. Некоторые черты социализма были соединены с капиталистическими элементами: рынок вводился по-коммунистически. Даже социалистическое соревнование удалось превратить в капиталистическое. Возникла новая система продвижения по службе: если раньше повышение получали те чиновники, кто больше кричал о коммунизме и выявлял классовых врагов, то при Дэне выдвигаться стали те, кто более эффективно обеспечивал проведение экономических реформ в своем уезде, в своей провинции. Ярчайший пример — премьер Чжао Цзянь, получивший свою должность за успешное проведение аграрной реформы в провинции Сычуань. Сегодня эта система сохраняется; повышение получают те руководители, которые смогли обеспечить больший рост ВВП и привлечь более значительные иностранные инвестиции в своих регионах. На интернет-сайте любой китайской провинции и даже маленького городка можно найти данные о

ВВП на душу населения, о том, сколько привлечено иностранных инвестиций, каков был экономический рост в прошлом году. Изменился принцип кадровой работы, но структура власти не была разрушена — она эволюционировала, превратившись из тормоза в мотор реформ.

В СССР аппарат также представлял собой препятствие для реформ. Не сумев заинтересовать номенклатурную верхушку в реформах, Михаил Горбачёв поначалу решил обойти аппарат: отсюда гласность, а затем попытка создать новую, президентскую вертикаль. В результате началась открытая борьба за власть внутри правящей элиты как в центре, так и между центром и регионами, что привело к крайней неразберихе в системе управления. Руководство потеряло контроль над ситуацией, а после путча 1991 года старый аппарат и вовсе развалился. Реформы стало некому осуществлять.

К чему привели два различных пути? В настоящее время в Китае продолжает править авторитарный режим, однако его аппарат смог обеспечить грандиозный экономический рост, может быть, один из самых быстрых в истории. С другой стороны, однобокий упор на рост привел ко многим проблемам — серьезным различиям в уровне развития регионов, социальному неравенству, загрязнению окружающей среды, обнищанию крестьян бедных регионов, за счет которых в основном и осуществлялся промышленный подъем. Аппарат власти вновь превращается в тормоз реформ. Чиновники на местах в личном плане уже, кажется, получили все, что могли, и дальнейшее развитие частного предпринимательства, укрупнение компаний угрожает политической власти аппарата на местах. Эти проблемы в Китае сейчас широко обсуждаются, китайские власти их понимают и пытаются решать. Основная линия политики нового лидера Ху Цзиньтао —

смягчение социальных противоречий и борьба с коррупцией.

Что касается России, то в ельцинский период государство лишилось какого-либо инструмента государственной политики, государственный аппарат распался на кланы и группы. После прихода к власти Владимира Путина ликвидация хаоса пошла по традиционному пути возвращения к авторитаризму. Однако к восстановлению действенного государственного аппарата это не привело. Сложившаяся система все более походит на классический авторитаризм Третьего мира: правящая группа достаточно сильна, чтобы наказывать — вплоть до применения жестких карательных мер — особо раздражающих ее субъектов, но не способна проводить последовательную политику и добиваться выполнения собственных решений, так как государственный механизм погряз в коррупции и не может работать эффективно.

Таким образом, заимствовать главное достижение китайских реформаторов — умение заинтересовать государственный аппарат в проведении реформ — нам уже поздно. Сегодня Россия нуждается в другом: в восстановлении эффективной системы государственной власти. Тем не менее, как это ни парадоксально, в наши дни перед Россией и Китаем стоит и ряд сходных задач. В новых условиях развитого рынка эффективность государственного аппарата уже не может быть обеспечена только административными методами: и для борьбы с коррупцией, и для более эффективного исполнения решений, и для привлечения лучших кадров на госслужбу необходимы прозрачность и подотчетность одних органов госаппарата другим, и всех их вместе — обществу, а также правовое государство с подлинным, а не декларативным разделением властей, реальными полномочиями представительной власти, органов местного самоуправления и т. п.

Экономический рост сдерживается в России не отсутствием правильной экономической политики, а неэффективностью госаппарата, включая правоохранительные органы, налоговые службы, армию, суд и т. п. Однако создание правового государства и в Китае, и в России наталкивается на серьезные препятствия, поскольку неизбежно приводит к потере власти наиболее влиятельными группами. Поэтому в обеих странах этот процесс постоянно тормозится, несмотря на финансовые возможности. Вероятно, он станет возможным только при ухудшении экономического положения, а точнее, как показывает мировая практика, при возникновении разрыва между ожиданиями населения и способностью государственной власти отвечать этим ожиданиям. Нарастающее недовольство способно привести к осознанию необходимости реформ как обществом в целом, так и большей частью правящей элиты. Между тем в обозримом будущем подобная перспектива не просматривается ни в той, ни в другой стране ввиду благоприятной экономической ситуации, хотя ее причины в России и Китае различны.

Проблемы взаимопонимания

Лидеры России и Китая сходятся во мнении, что отношения между нашими странами находятся в лучшем состоянии за долгие годы. В то же время и в России, и в Китае, как среди широких слоев населения, так и среди образованной публики, укоренились мифы относительно соседа; в прессе господствуют стереотипы, многие из которых подогреваются определенными кругами и группами лиц, заинтересованных — по политическим или экономическим причинам — в их существовании. Но встречаются и искренние заблуждения.

Взять хотя бы популярное определение Китая: «наш великий восточный сосед». А ведь достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что Китай расположен вовсе не на востоке, а на юге от наших границ. На этот факт всегда указывают эксперты из регионов российского Дальнего Востока, не без оснований считающие, что европоцентристски мыслящие жители западной части России игнорируют очевидное: сама Россия — не только европейская, но и великая азиатская, то есть «восточная», держава.

Таблица 3

РОССИЯ: ЕЕ ДРУЗЬЯ И ЕЕ ВРАГИ (ПО ДАННЫМ ОПРОСА)		
Страна	С какими странами, по вашему мнению, у нашей страны будут складываться наиболее дружественные отношения в ближайшие 10–15 лет? (открытый вопрос, до пяти ответов)	А с какими странами у России будут складываться наиболее напряженные, враждебные отношения в ближайшие 10–15 лет? (открытый вопрос, до пяти ответов)
Китай	21	3
Белоруссия	12	2
Германия	12	0
США	10	24
Япония	7	3
Индия	6	-
Казахстан	6	-
Украина	6	7
Франция	6	1
Страны Евросоюза	4	1

Источник: Россия, ее друзья и враги. Пресс-выпуск № 756. ВЦИОМ. 2007. Авг. 30. (<http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8690.html?cHash=e2146d196d>).

А вот пример из прошлого — определение советско-китайских отношений в 50-е годы XX века как «братских». Дело в том, что носителями русского языка «братские» отношения воспринимаются как равные и родственные, то есть необычайно тесные. В китайском же языке, как и во многих других восточных языках, отсутствует само слово «брат», есть только «старший брат» и «младший брат». Русское понятие «братские отношения» переводятся на китайский язык как «отношения между старшим и младшим братом», причем «старшим братом» называли СССР. Естественно, такие отношения не могли восприниматься как равные.

Представления россиян о Китае и китайцев о России в значительной мере стереотипные и устаревшие. Так, по данным РОМИР 2004–2005 годов, при упоминании о Китае россиянам приходят в голову, прежде всего, такие слова, как «одежда» (14 проц.), «количество населения» (9 проц.), «рис» (3 проц.), «Великая Китайская стена» (3 проц.), а также «китайские палочки», «зеленый чай», «аудио- и видеотехника», «узкие глаза» и «коммунизм» (по 2 проц.). Практически никто из россиян не вспомнил о бурном экономическом росте соседа, о его научно-технических или культурных достижениях. Китайцам же при упоминании о России пришли на ум следующие слова и явления: «терроризм» (8 проц.), различные выдающиеся политические и литературные деятели (7 проц.), «мощная военная держава» (5 проц.), «распад

СССР, отказ от коммунизма» (5 проц.), «дружба между Китаем и Россией» (4 проц.)²¹.

Отношения россиян к Китаю и китайцев к России противоречиво. Так, согласно всероссийскому опросу ВЦИОМ, проведенному 25–26 августа 2007-го, Китай занял первое место среди стран, с которыми в ближайшие 10–15 лет у России будут наиболее дружественные отношения (21 проц.), при этом лишь 3 проц. опрошенных заявили, что отношения с ним будут враждебными, напряженными. Китай обошел Белоруссию (12 проц. и 2 проц. соответственно) и Германию (12 проц. и 0 проц.) (см. табл. 3).

Для сравнения, по данным сходного опроса, проведенного в феврале 2001 года группой monitoring.ru (открытый вопрос «Назовите врагов и друзей России»), Китай назвали страной, проводящей «дружественную политику в отношении России», лишь 2 проц. россиян. Больше голосов получили Белоруссия (15 проц.) и Германия (4 проц.), а Индия и Украина — столько же. В то же время Китай занял второе место среди «врагов» России (5 проц.), больше получили только США (27 проц.)²².

Что касается отношения китайцев к России, то здесь ситуация гораздо лучше. Так, согласно данным Китайского института опросов общественного мнения, количество китайцев, относящихся к России «очень хорошо», за время проведения Года России в Китае (2006) увеличилось с 20,6 проц. до 40,5 проц., «хорошо» — с 33,1 проц. до 35,0 проц. (см. табл. 4).

Таблица 4

ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ ДО И ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГОДА РОССИИ В КИТАЕ						
	Очень хорошо	Хорошо	Обычно	Недружественно	Очень недружественно	Затрудняюсь ответить
До проведения Года	20,6	33,1	24,6	9,1	4,9	7,7
После проведения Года	40,5	35,0	16,5	4,1	2,5	1,5

Источник: Дун Минь, Ван Цзе. «Чжунго Элосы нян» дуй Чжунго шэхуйдэ инсян (Влияние Года России в Китае на китайское общество) (<http://www.chinasurvey.com.cn/public/2006/official/11-20-001.htm>).

Для сравнения, согласно опросу РОМИР (совместно с китайской компанией *Horizon Research*), проведенному в Китае в 2004–2005 годах, Россия также заняла первое место среди друзей Китая (26 проц.). Ниже с большим отрывом шли КНДР и Гонконг (по 8 проц.) и Сингапур, США и Южная Корея (по 3 проц.). Среди недружественных стран Россия была 3-й с (1 проц.), значительно уступающая США (54 проц.) и Японии (15 проц.)²³. Таким образом, усилия руководства обеих стран дают определенные позитивные результаты, однако взаимопонимания между двумя народами еще недостаточно. По данным опросов, улучшению отношений между простыми гражданами в значительной степени способствует интенсификация практических контактов и взаимодействия на низовом уровне. Это уже происходит в приграничных регионах нашей страны, где, по свидетельству экспертов, опасения относительно

«китайской угрозы» практически сняты с повестки дня: люди заняты каждодневным практическим сотрудничеством с соседом, и мифы им ни к чему²⁴. Те же процессы отмечаются во многих частях Китая, где простые граждане, ежедневно общаясь с россиянами, относятся к ним не как к «старшим братьям» или сторонникам «гегемонизма», а буднично-практически и вполне дружелюбно. Можно надеяться, что с расширением практического сотрудничества на всех уровнях взаимопонимание между народами наших стран будет расти и это станет прочной основой для зрелых дружественных отношений, какие и должны быть между близкими соседями. А дружественные отношения между двумя крупнейшими государствами Азии, двумя ядерными державами, двумя постоянными членами СБ ООН, безусловно, станут важным фактором глобального мира и стабильности.

Примечания ¹ См.: *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток – Запад, АСТ, 2007. С. 312–322.

² Цит. по: *Хайек Ф., фон.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 140.

³ *Фан Нин.* Путь демократической политики китайского образца // *Россия и Китай на пути Реформ.* М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006. С. 87–89.

⁴ *Чэнь Хутай.* Основной опыт демократического пути с китайской спецификой // *Китай и Россия: Демократическое строительство в международном контексте / Китайско-российский форум политологов.* Сборник статей. Пекин. Сент. 2007. С. 55.

⁵ См.: *Фан Нин.* Опыт китайской демократии // *Китай и Россия...* С. 49–53.

⁶ См.: <http://www.worldpolities.org/>

⁷ См.: *Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократия, качество институтов и экономический рост (<http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/Democracy-2006DEC-Russian.pdf>).

⁸ См., например, исследование Аналитического центра Юрия Левады ««Демократия» в России», проведенное в декабре 2006 г. (<http://www.levada.ru/files/1188918122.doc>).

⁹ См.: *Ильин И.А.* О грядущей России: Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. *Солженицын А.И.* Публицистика. Ярославль: Верх.-Волжское. изд-во. Т. 2. 1996. С. 175.

¹⁰ О российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве см.: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/79be547f4cad5fae43256b4c003a931a?OpenDocument>

¹¹ <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=733953&ct=news>

¹² *Начало* встречи с президентом компании «Транснефть» Семёном Вайнштоком. 14 июня 2007 года, Москва, Кремль (<http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/06/134418.shtml>).

¹³ По словам Сергея Цыплакова, переговоры с Китаем активно ведутся, причем необходимо учи-

тывать два основных момента — техническую сторону прокладки нефтепровода и его дальнейшую эксплуатацию (как его заполнять, какую выбрать формулу цены) (<http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=733953&ct=news>).

¹⁴ *Приморский край*: Главная проблема региона заключается в его репутации (<http://www.allmedia.ru/newsite.asp?id=687683>).

¹⁵ *Китай в XXI веке: стратегический партнер или стратегическая угроза?* / Стенограмма дискусионного клуба «Модернизация России: Новый вектор», заседание 17-е (17 окт. 2006) (<http://www.viperson.ru/wind.php?ID=263119&soch=1>).

¹⁶ *Синь Янь, Яблоков Н.П.* Борьба с мафией в Китае; *Овчинский В.С.* Мафия XXI века: Сделано в Китае. М.: Норма, 2006.

¹⁷ <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=873>

¹⁸ *Столытин П.А.* Речи в Государственной Думе (1906–1911). Пг: Типография МВД, 1916. С. 132–133.

¹⁹ *Дэн Сяопин.* Основные вопросы современного развития Китая. М.: Политиздат, 1988. С. 70.

²⁰ *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М.: Наука, 1977. С. 237.

²¹ *Милехин А.* Россия и Китай в меняющемся мире // Россия – Китай: XXI век. Ноябрь. 2005. С. 25.

²² *Цуладзе А.* Одинокая Россия: Врагов у нашей страны больше, чем друзей // Сегодня. 2001. Март 15. С. 4.

²³ *Милехин А.* Указ. соч. С. 26.

²⁴ Так, согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в августе 2007 года, жители Дальневосточного федерального округа более позитивно относятся к использованию китайской рабочей силы, чем россияне в целом. См.: *Китайские рабочие в России: Демографическая угроза или экономический ресурс?* / Пресс-выпуск № 773. ВЦИОМ. 2007. Сент. 20 (<http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8844.html?cHash=aab5deae1c>).